Книгоиздательство „МОЛОДАЯ РОССІЯ“.
РЕДАКЦІЯ Ф. ДѢДОВА, А. РУДИНА, С. НЕЧЕТНАГО и Н. МАКСИМОВА.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты правъ свое.

К. Тарасовъ.

Міровой ростъ и кризисъ соціализма.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.
1906

Міровой ростъ и кризисъ соціализма.

На порогѣ XX-го вѣка два повидимому противорѣчивыя, на самомъ же дѣлѣ тѣсно связанныя между собой явленія останавливаютъ вниманіе наблюдателя: то ростъ соціализма, то кризисъ его, — и ростъ, и кризисъ какъ въ теоріи, такъ и въ самой жизни.

Было бы излишне входить во всѣ подробности могучаго распространенія соціализма. Пародируя слова, которыя были произнесены при заключеніи Кампоформійскаго мира Бонапартомъ, тогда еще республиканскимъ генераломъ, мы можемъ по праву сказать: соціализмъ — солнце; тотъ слѣпъ, кто не видитъ лучей его. Въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, такъ приблизительно со времени международнаго соціалистическаго конгресса 1889 г. въ Парижѣ, новое міровоззрѣніе овладѣло — положительно или отрицательно — умами теоретиковъ и вошло существеннымъ элементомъ — опять таки съ положительной или отрицательной стороны — въ дѣятельность практиковъ. Нѣтъ ничего знаменательнѣе въ этомъ смыслѣ, какъ измѣненіе во взглядѣ на соціализмъ, въ отношеніи къ нему со стороны представителей современнаго строя.

Давно ли, всего какихъ-нибудь полтора-два десятка лѣтъ, темныя силы политической и соціальной реакціи надѣялись, что соціализмъ останется тѣмъ, чѣмъ и былъ по ихъ мнѣнію: противообщественнымъ и, если хотите, даже опаснымъ въ извѣстномъ смыслѣ, но временнымъ болѣзненнымъ явленіемъ, которое должно рано или поздно исчезнуть передъ нормальнымъ развитіемъ капитализма, а пока лишь нуждается въ лѣченіи энергичными мѣрами. Система зажима и бдительный полицейскій надзоръ считались какъ разъ подходящими средствами противъ этой

болѣзни. «Исключительные законы», выдвинутые противъ германскихъ соціалистовъ Бисмаркомъ, представляютъ собою хорошую иллюстрацію и наиболѣе яркое проявленіе такихъ пріемовъ лѣченія. Были, конечно, и другія, менѣе рѣшительныя средства борьбы въ болѣе свободныхъ странахъ, въ родѣ, напр., вялой печатной и устной пропаганды буржуазныхъ идей между рабочими со стороны слугъ капитала. Но сами участники смотрѣли на эту дѣятельность спустя рукава, полагая, что время и дальнѣйшіе успѣхи сего наилучшаго изъ буржуазныхъ міровъ восторжествуютъ надъ «софизмами демагоговъ».

Посмотрите, съ другой стороны, на тогдашнее отношеніе къ соціализму такъ называемыхъ теоретиковъ современнаго строя. Тотъ, кому пришлось слышать въ началѣ 80-хъ годовъ хотя бы лекціи Поля Леруа-Больe въ парижскомъ Collège de France противъ коллективизма, не можетъ, конечно, забыть до сихъ поръ впечатлѣнія той, поистинѣ феноменальной небрежности и той самонадѣянности, съ какой трактовались этимъ ученымъ мужемъ мѣщанства теорія стоимости Маркса и марксовская же теорія эволюціи капитализма. Чувствовалось, что буржуазный экономистъ, такъ сказать, лишь снисходитъ, лишь удостаиваетъ тратить свое время на опроверженіе столь вздорныхъ, столь неосновательныхъ и притомъ не представляющихъ никакого особаго интереса ученій. Изъ словъ и жестовъ великолѣпнаго въ своей увѣренности профессора ясно выходило, что соціализмъ былъ въ то время quantité negligeable, величиной, которую собственно нечего принимать въ разсчетъ, — и которую критикъ Маркса и, дѣйствительно, не принималъ бы въ разсчетъ, не подвергалъ бы даже самому поверхностному анализу, не будь въ то время нѣкоторыхъ явленій международной европейской жизни, начинавшихъ останавливать на себѣ вниманіе буржуазныхъ теоретиковъ и политиковъ: соціалистическихъ конгрессовъ 1879 и 1880 г.г. и образованія рабочей партіи во Франціи; упорнаго роста соціаль-демократовъ въ Германіи, несмотря на преслѣдованія Бисмарка, героической борьбы Народной Воли въ Россіи.

Но какъ мѣняется картина десять, а еще болѣе двадцать лѣтъ спустя! Теперь смѣло можно сказать, нѣтъ ни одной книги по общественнымъ, юридическимъ, философскимъ вопросамъ,— не говоря уже объ экономическихъ — въ которой такъ или иначе не затрагивался бы соціализмъ. Дарвинисты, кантіанцы, позитивисты, ученики Спенсера, Тэна, Ренана считаютъ себя вынужденными прямо или косвенно касаться новаго міровоззрѣнія. То межеумочное направленіе, которое раньше существовало развѣ въ Германіи и отчасти въ Россіи въ формѣ катедеръ-соціализма, выдвигаетъ своихъ представителей во всей Европѣ, въ Америкѣ и успѣваетъ провести отдѣльныхъ и робкихъ выразителей даже въ университеты и высшія школы Франціи, этой классической страны вульгарной политической экономіи. На засѣданіяхъ ученыхъ академій, научныхъ конгрессовъ, всевозможныхъ обществъ, преслѣдующихъ чисто практическія цѣли, міросозерцаніе труда возбуждаетъ оживленные споры, вызываетъ критику или одобреніе, вдохновляетъ положительно или отрицательно планы реформъ. И даже когда оно прямо не затрагивается, оно даетъ знать о своемъ присутствіи той всемогущей ассоціаціей идей, которая не позволяетъ въ данный моментъ обсуждаться ни одному крупному общественному вопросу, безъ того, чтобы соціализмъ не бросалъ на него своего отраженнаго свѣта.

Сочиненія, на которыхъ стоитъ великое имя Маркса, столько лѣтъ замалчивавшіяся буржуазной наукой, берутъ своеобразный реваншъ надъ современнымъ обществомъ, основаннымъ на куплѣ-продажѣ, и пріобрѣтаютъ крупную мѣновую цѣнность для издателей, которые охотно печатаютъ теперь самые первые опыты мыслителя, переводы его трудовъ на всевозможные языки, критику и библіографію, письма и воспоминанія. Устраиваются цѣлые книжные магазины, основываются издательскія фирмы, спеціальная цѣль которыхъ состоитъ въ печатаніи и распространеніи соціалистическихъ произведеній, при чемъ опять-таки, по своеобразной ироніи капиталистическаго общества, эта роль зачастую достается на долю тѣхъ са-

мыхъ лицъ и учрежденій, что являются искренними и сознательными противниками новаго міровоззрѣнія.

Сама область изящнаго искусства и высшихъ эстетическихъ чувствованій не ускользаетъ отъ всемогущаго воздѣйствія соціализма. Какъ сороковые годы прошлаго столѣтія, знаменовавшіе собой первый трепетъ соціалистическаго энтузіазма среди широкихъ слоевъ общества и авангарда трудящихся массъ, характеризовались, на ряду съ серьезной литературой соціализма, фантастическими романами, рисующими будущій строй, такъ и конецъ XIX вѣка вызвалъ, бокъ-о-бокъ съ безчисленными книгами, брошюрами, журналами, посвященными разработкѣ новаго міровоззрѣнія, и цѣлую серію утопическихъ изящныхъ произведеній Беллами, Гертцки, Вилліама Морриса, художественно изображавшихъ соціалистическій идеалъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что неотразимо растущія «идеи четвертаго сословія», какъ сказалъ бы Лассаль, должны очевидно заключать въ себѣ значительную внутреннюю чисто эстетическую привлекательность, если выдающіеся артисты и мастера художественнаго творчества переходятъ на сторону соціализма по причинамъ, имѣющимъ очень мало общаго съ непосредственной классовой борьбой. Такъ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ горячимъ защитникомъ новаго міровоззрѣнія становится разносторонній художникъ и великолѣпный поэтъ Англіи, Вилліамъ Моррисъ. Онъ приходитъ къ соціализму потому, что увидалъ полнѣйшую невозможность осуществить въ капиталистическомъ обществѣ идеалъ свободнаго артистическаго творчества и такого труда, который по его словамъ «принесетъ трудящемуся удовольствіе и надежду, вмѣсто страха и страданія и станетъ, наконецъ, искусствомъ для народа и при помощи народа, — радостью для того, кто занимается имъ, какъ и для того, кто имъ пользуется». Такъ всего года три-четыре тому назадъ въ ряды же соціалистовъ эффектно переходитъ на засѣданіи итальянской палаты романистъ Габріэль д'Аннунціо. Охваченный энтузіазмомъ при видѣ героически прекрасной борьбы крайней лѣвой противъ свирѣпаго министерства Пеллу и его буржуаз-

ныхъ защитниковъ, онъ тутъ же оставляетъ скамьи правой, этой партіи «смерти и гніенія», какъ энергично выражается самъ неисправимый, казалось, дотолѣ эстетъ-индифферентистъ, громогласно заявляя о своей солидарности съ борцами за свободу и лучшее будущее человѣчества.

Мы уже не говоримъ о тѣхъ умственныхъ флюгерахъ, тѣхъ переметныхъ сумахъ, которыя перебрасываются модными теченіями справа налѣво и слѣва направо и которыя, набивая себя въ теченіе не одного десятка лѣтъ разными банальнѣйшими буржуазными мыслями, вдругъ начинаютъ въ послѣдніе годы вытрясать передъ глазами удивленной публики непереваренныя соціалистическія идеи пополамъ со старой умственной трухой. Нѣтъ, оставляя въ покоѣ всѣхъ этихъ карикатурныхъ «сверхъ-соціалистовъ», для которыхъ что Ницше, что Марксъ, что Кантъ, что Лассаль, что Шопенгауэръ, что Фурье одна статья, мы не можемъ пройти молчаніемъ все растущей и растущей серьезной рати перебѣжчиковъ изъ буржуазнаго лагеря въ лагерь соціализма, перебѣжчиковъ, которые принадлежатъ къ наиболѣе выдающимся и чуткимъ представителямъ привилегированнаго меньшинства. Своимъ переходомъ на сторону массъ они также свидѣтельствуютъ о близкой побѣдѣ соціалистическаго идеала, какъ французскіе аристократы XVIII вѣка, примыкавшіе къ революціи, свидѣтельствовали о неотразимо надвигавшемся торжествѣ либеральнаго режима. Соціалистическое міровоззрѣніе проникаетъ всѣ жилы стараго порядка вещей и съ такимъ же успѣхомъ завоевываетъ мысль, съ какимъ овладѣваетъ цѣлыми полосами жизни...

Да, цѣлыми полосами. Посмотрите хотя бы на такія явленія современности, какъ романъ, пьеса, ежедневная газета, которыя посредствуютъ отвлеченную мысль и практическую жизнь, стоятъ на рубежѣ между ними и потому интересуютъ значительную часть общества. Когда

прежній глава французскаго натурализма, ревностный пропагандистъ человѣческаго «документа», ищетъ вдохновенія и фабулы своихъ послѣднихъ романовъ въ соціальномъ вопросѣ и чтеніи великихъ утопистовъ, или когда «Ткачи» Гауптмана и «Дурные пастыри» Мирбо ставятъ на подмостки театра великія задачи современности; или когда серьезный органъ буржуазіи, въ родѣ англійскаго «Times» или французскаго «Journal des Débats», бульварная газета на манеръ парижскаго «Фигаро», сатирическій журналъ въ родѣ «Кладдерадача» въ рѣдкомъ изъ своихъ номеровъ не затрагиваетъ въ той или иной формѣ отношеній между трудомъ и капиталомъ,— вы не можете не притти къ заключенію, что соціализмъ, дѣйствительно, начинаетъ играть исключительную роль въ теперешнемъ обществѣ.

Спуститесь, наконецъ, въ самый водоворотъ жизни, станьте лицомъ къ лицу съ непосредственной дѣйствительностью: здѣсь вы уже окончательно убѣждаетесь, что міровоззрѣніе труда, что «идеи четвертаго сословія» наполняютъ всѣ поры современнаго строя и опредѣляютъ большинство жизненныхъ явленій. Уже болѣе десяти лѣтъ, какъ величайшій авторитетъ католическаго міра, преслѣдующій, казалось бы, самые возвышенные интересы неба, принужденъ спуститься на землю и своей энцикликой «De opificum conditione» дать сигналъ реакціоннымъ силамъ вступить въ близкія сношенія съ пролетаріатомъ и постараться отвести этотъ могучій историческій потокъ подъ мельницу христіанскаго соціализма, столь плачевнаго по своимъ результатамъ для трудящихся массъ, но столь выгоднаго привилегированному меньшинству. И въ послѣднее же десятилѣтіе всѣ буржуазныя партіи міра пытаются такъ или иначе заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ рабочихъ, въ то время какъ представители отжившихъ феодальныхъ и абсолютистскихъ идей и интересовъ въ свою очередь заигрываютъ съ пролетаріемъ, чтобы перетянуть его на свою сторону. Современный полу-юнкеръ, полу-Цезарь, съ апломбомъ вписывающій въ альбомъ стариннаго города задорливый афоризмъ деспотизма: voluntas

regis lex suprema esto, считаетъ однако необходимымъ отмѣнить законодательство противъ соціалистовъ, дать «новый курсъ» кромѣ корабля, играть въ соціальнаго реформатора. И, только увидѣвъ безплодность всѣхъ своихъ усилій на почвѣ кокетничанья съ рабочими, снова начинаетъ держать рѣчи коронованнаго фанфарона, грозя раздавить, растереть внутреннихъ враговъ имперіи.

Съ другой стороны, во всѣхъ парламентахъ соціалисты пріобрѣтаютъ значеніе, далеко превосходящее ихъ численность, служатъ предметомъ вниманія, зачастую и прямого ухаживанія со стороны борющихся партій, а въ экстренные моменты приглашаются даже передовыми фракціями буржуазіи на защиту современной цивилизаціи противъ натиска реакціи. Въ этомъ смыслѣ участіе соціалиста Милльрана въ буржуазномъ министерствѣ Вальдэка-Руссо для «обороны республики» является даже цѣлымъ историческимъ шагомъ въ развитіи соціализма. И, говоря такъ, мы вовсе не думаемъ пускаться въ апологію этого участія, которое въ данномъ конкретномъ случаѣ произвело такую смуту среди соціалистовъ всего міра; но хотимъ лишь сказать, что въ самомъ фактѣ приглашенія соціалиста буржуазнымъ правительствомъ наглядно выражается могучій ростъ новаго историческаго элемента, съ которымъ теперь должны считаться и не могутъ не считаться различныя партіи современнаго общества.

Недаромъ одинъ изъ жесточайшихъ враговъ Жореса и его «новаго метода», рѣзко порицая тактику участія, даже клеймя ее, какъ измѣну соціализму, тѣмъ не менѣе сказалъ при самомъ же вступленіи Милльрана въ кабинетъ, что самъ по себѣ этотъ фактъ сотрудничества соціалиста въ буржуазномъ правительствѣ можетъ въ извѣстномъ смыслѣ возбуждать гордость соціалистическихъ партій всего міра. Онъ знаменуетъ, новый историческій фазисъ, въ которомъ главная роль должна принадлежать принципу труда. До сихъ поръ буржуа пытались, дѣйствительно, распространять и поддерживать взглядъ на соціалистовъ, чуть ли не какъ на негодяевъ и разбойниковъ: приглашая соціалиста быть членомъ кабинета, пред-

ставители буржуазіи тѣмъ самымъ признаютъ, что этотъ взглядъ былъ умышленной ложью и что соціализмъ является однимъ изъ полноправныхъ элементовъ современнаго строя и притомъ такимъ, безъ содѣйствія котораго не можетъ держаться въ критическія минуты самъ демократическій режимъ буржуазіи...

Намъ нечего вдаваться въ дальнѣйшія подробности этого крупнаго, но все-таки лишь частнаго факта. Важно было лишь указать на крайніе предѣлы, до которыхъ доходитъ въ настоящее время вліяніе соціализма, и отмѣтить, что такія явленія позволяютъ надѣяться на близкое торжество новаго міровоззрѣнія. Но не достигая въ другихъ случаяхъ такихъ яркихъ выраженій, соціализмъ вездѣ накладываетъ теперь свой отпечатокъ на жизнь. Въ Германіи онъ опирается на самую обширную и наилучше организованную партію страны. Въ Бельгіи дѣятельность соціалистовъ вызываетъ завистливое удивленіе самыхъ заклятыхъ враговъ. Въ Италіи соціалистамъ въ союзѣ съ крайними республиканцами удалось свалить реакціонное министерство палача Пеллу, и смѣнившее его министерство Цанарделли держится главнымъ образомъ благодаря опять таки соціалистической партіи, которая рѣшила подавать голоса за новый кабинетъ въ зависимости отъ его сравнительно миролюбивой политики по отношенію къ рабочимъ организаціямъ. И даже въ Россіи, когда соціализмъ только что начиналъ охватывать болѣе или менѣе широкіе слои пролетаріата, правительство шло на извѣстныя уступки передъ пробуждающимся боевымъ сознаніемъ рабочихъ, или же прибѣгало къ различнымъ уловкамъ, разсчитаннымъ на одураченіе трудящихся массъ. Вспомнимъ законъ 2-го іюня 1897 г., выросшій подъ давленіемъ обширныхъ стачекъ предшествовавшихъ лѣтъ. Обратимъ вниманіе на попытки политической полиціи парализовать въ недавнее время ростъ и развитіе рабочихъ организацій, старавшейся насаждать такъ называемое «экономическое» направленіе или покровительствовать этому искаженію классовой борьбы между трудомъ и капиталомъ.

Такова общая картина современнаго распространенія соціализма. Но въ настоящее время находится не мало изслѣдователей, полагающихъ, что и на сей разъ Тарпейская скала въ двухъ шагахъ отъ Капитолія и что современный же «кризисъ» соціализма предвѣщаетъ близкое паденіе новаго міровоззрѣнія, которое, такимъ образомъ только для того и достигло этого крупнаго значенія, чтобы въ скоромъ времени окончательно рухнуть. Посмотримъ, насколько вѣрно это мнѣніе и опять таки взглянемъ на положеніе дѣлъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ.

Что «кризисъ» существуетъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вы не можете, напр., открыть въ настоящее время почти ни одной книги, чтобы не наткнуться на это слово, — оставляя въ сторонѣ положительный или отрицательный характеръ взглядовъ автора на самый «кризисъ». При этомъ онъ носитъ своеобразный отпечатокъ, объясняющійся историческими условіями момента: этотъ кризисъ, дѣйствительно, отражается, проектируется въ сознаніи современниковъ главнымъ образомъ, какъ «кризисъ марксизма», ибо марксизмъ является теперь фактически самымъ популярнымъ ученіемъ соціализма, въ сравненіи съ которымъ другія направленія играютъ второстепенную роль.

Въ теоріи первыя замѣтныя проявленія «кризиса марксизма» относятся приблизительно къ половинѣ 90-хъ годовъ только что истекшаго вѣка. Въ это время впервые, напр., начинаютъ слышаться слабыя ноты сомнѣнія и неудовлетворенности доктриной въ столь ортодоксальномъ журналѣ нѣмецкой соціаль-демократіи, какъ «Neue Zeit». То въ той, то въ другой статьѣ сторонники марксизма ставятъ на обсужденіе товарищей нѣкоторыя второстепенныя подробности міровоззрѣнія, недостаточно, по ихъ мнѣнію, развитыя съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. И въ этихъ, такъ сказать, семейныхъ диспутахъ уже прорываются порою робкіе протесты противъ общепринятаго толкованія нѣкоторыхъ формулъ классическаго марксизма. Бельфортъ Баксъ, одинъ изъ наиболѣе фило-

софски мыслящихъ соціалистовъ Англіи, пытается, оставаясь на почвѣ экономическаго матеріализма, сдѣлать къ ученію кой-какіе комментаріи, имѣющіе цѣлью обратить вниманіе и на извѣстное значеніе нравственнаго и вообще идейнаго элемента. Въ Италіи Антоніо Лабріола старается вскрыть недоразумѣніе, заключающееся, по его мнѣнію, въ терминѣ «экономическій факторъ» и противопоставленіи слѣдняго прочимъ факторамъ общественной жизни и напираетъ на необходимость, отбросивъ это выдѣленіе и противопоставленіе, разсматривать общественную жизнь, какъ нѣчто цѣлое, хотя и происходящее на фундаментѣ матеріальныхъ условій. Сорэль во Франціи, Бенедетто Кроче въ Италіи дѣлаютъ критическія поправки къ теоріи стоимости, равно какъ къ матеріалистическому пониманію исторіи,—этимъ, по давно высказанному Энгельсомъ мнѣнію, двумъ основнымъ пунктамъ марксовскаго ученія. И довольно знаменательно, что самъ Энгельсъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ письмахъ къ единомышленнику (если не ошибаюсь, Конраду Шмидту), — напечатанныхъ безъ имени адресата вскорѣ послѣ смерти Энгельса, — сознается въ нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ теоріи, съ неудовольствіемъ указываетъ на карикатурное искаженіе ея черезчуръ ревностными учениками и дастъ по двумъ-тремъ вопросамъ такія поясненія, которыя отнимаютъ у марксовской доктрины ея первоначальную рѣзкую физіономію. Вскорѣ и въ статьяхъ такого правовѣрнаго и страстнаго марксиста, какъ Бернштейнъ, начинаютъ замѣчаться все болѣе и болѣе рѣзкія отклоненія отъ обычнаго пониманія теоріи Маркса, напр., рядомъ съ матеріальной эволюціей подчеркивается болѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ марксистами, идеологическій элементъ и т. п., пока, наконецъ, столь много надѣлавшая шуму книга о «Предпосылкахъ соціализма и задачахъ соціаль-демократіи» не распространила критику на главныя положенія марксизма и даже вообще на весь революціонный соціализмъ.

Дальнѣйшія проявленія кризиса у всѣхъ налицо и обнаруживаются все ярче и рѣзче, затрагивая все большую и большую часть членовъ прежняго символа вѣры и ова-

тывая вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе широкіе слои между соціалистами. Теперь можно сказать, не особенно погрѣшая противъ истины, что нѣтъ почти ни одного положенія въ доктринѣ марксизма, которое бы оставалось внѣ критики и сомнѣнія, какъ нѣтъ почти ни одной формулы, которая раздѣлялась бы всѣми учениками и послѣдователями.

Опятьтаки, не входя въ очень большія подробности, мы можемъ для иллюстраціи указать на нѣсколько очень спорныхъ пунктовъ, толкованіе которыхъ вызываетъ ожесточенныя пренія. Возьмите хотя бы вопросъ объ историческихъ границахъ приложенія экономическаго матеріализма къ развитію человѣческаго общества. Примѣнима ли теорія преобладающаго вліянія отношеній производства къ первобытнымъ временамъ? Если припомнить, что приложеніе этой теоріи къ первоначальному строю общества, гдѣ играютъ такую роль родовыя отношенія, было достигнуто Энгельсомъ лишь путемъ почти каламбура: «производство людей есть тоже особая форма экономическаго производства», то сама натянутость подобнаго объясненія, допущенная такимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, какъ авторъ «Происхожденія семьи, собственности и государства», уже является лучшимъ возраженіемъ противъ универсальности теоріи. Съ другой стороны, если привести себѣ на память, что Энгельсъ же въ своихъ письмахъ къ Шмидту прямо отказывается выводить религію первобытнаго общества съ очень слабо развитой техникой изъ тогдашнихъ условій производства, а видитъ въ этой религіозной идеологіи лишь отраженіе «нелѣпости», царящей въ головахъ людей того періода, то опятьтаки подобное, далеко не философское разсужденіе Энгельса дѣлаетъ честь его откровенности, но наноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительный ударъ всеобщности «матеріалистическаго пониманія исторіи».

Параллельно съ этой альфой общественнаго развитія интересно было бы разсмотрѣть и его омегу, а именно то состояніе, въ которое общество придетъ тогда, когда, согласно яркой и эффектной фразѣ, «человѣчество сдѣла-

ется прыжокъ изъ міра необходимости въ міръ свободы». Въ какой мѣрѣ отношенія производства будутъ опредѣлять общественную жизнь людей въ этотъ счастливый періодъ коллективнаго труда и коллективнаго наслажденія? И не придется и сказать, что если въ начальномъ фазисѣ человѣчества установленію причинной зависимости между формами производства и циклопической идеологіей дикарей мѣшала «нелѣпость», царившая въ головѣ человѣка, то въ заключительномъ фазисѣ подобному же установленію причинной связи между экономикой и высоко развитой духовной жизнію будущихъ коммунистовъ помѣшаютъ какъ разъ высшая разумность и высшая свобода развитія, осуществленныя въ грядущемъ царствѣ людей — братьевъ?

Мы затронули здѣсь косвеннымъ образомъ другой очень важный пунктъ марксовской теоріи, который мы сейчасъ и подвергнемъ прямому изслѣдованію: это вопросъ о томъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ «формы производства», какъ элементъ, опредѣляющій всевозможныя «надстройки». Поставьте, дѣйствительно, этотъ вопросъ марксистамъ, и вы сейчасъ же убѣдитесь, какъ противорѣчивы будутъ результаты этого вопроса. Надо ли разумѣть подъ упомянутымъ выраженіемъ исключительно технику? И слѣдуетъ ли понимать въ этомъ узко техническомъ смыслѣ столь часто цитируемую фразу Маркса изъ «Нищеты философіи»: «ручная мельница дастъ вамъ общество съ феодальнымъ сеньеромъ; паровая мельница — общество съ промышленнымъ капиталистомъ»? Немало есть, дѣйствительно, марксистовъ, которые на эти вопросы отвѣчаютъ утвердительно. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, напримѣръ, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сорэль, указывая на неясный характеръ знаменитой фразы, склонялся самъ въ сторону болѣе широкаго истолкованія марксовскаго афоризма, приглашая читателей видѣть въ этомъ предложеніи указаніе не на одну только технику, но и на экономическія отношенія людей при данной техникѣ. Недавно и въ Neue Zeit нѣмецкій марксистъ, этнологъ Генрихъ Куновъ, полемизируя противъ Вейзенгрюна, призналъ технику «лишь однимъ изъ созидающихъ момен-

товъ способа хозяйства,—зачастую, правда, самымъ главнымъ, но не исключительнымъ». Мало того, развивая, свою мысль, онъ ввелъ въ объясненіе экономической структуры не только технику, но и «природу», и «характеръ почвы», и «фауну», и «флору», и «географическое положеніе», и даже такой обнимающій небо, землю и преисподнюю элементъ, какъ «и прочее». А, сверхъ того, присовокупилъ, ради изображенія динамическаго процесса развитія техники, еще и такія условія, какъ, «перемѣну народомъ мѣстожительства», «увеличеніе народонаселенія», «измѣненіе въ характерѣ жизни сосѣдей», закончивъ и это перечисленіе опятьтаки многозначительными словами «и такъ далѣе». Это напоминаетъ какъ разъ подобное же расширеніе понятія о «формахъ производства» въ Письмахъ Энгельса, расширеніе, которое невольно вызывало въ умѣ внимательныхъ читателей такое соображеніе: если подъ этими формами вы разумѣете не только технику, но и природную обстановку, и географическое положеніе и населеніе не только данной страны, а и сосѣдей, и даже способъ жизни ихъ, «и прочее», то, дѣйствительно, вамъ нетрудно изъ отношеній производства вывести прочія отношенія людей. Но лишь почему? Потому что вашимъ «способомъ производства» вы охватили уже технику + всевозможныя природныя и общественныя условія данной страны и съ торжествомъ изъ этого цѣлаго выводите лишь часть его,—умозаключеніе, не дающее, ровно ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что вы уже допустили въ посылкахъ.

Возьмемъ также хотя бы Zusammenbruchstheorie, теорію фатальнаго крушенія капиталистическаго строя и фатальнаго перехода его въ строй соціалистическій, благодаря развитію великихъ общественныхъ противорѣчій: концентраціи средствъ производства и возрастанія богатства капиталистовъ на одномъ, такъ сказать, полюсѣ соціальной батареи; концентраціи пролетаріата и возрастанія его нищеты на другомъ. Опятьтаки въ какой мѣрѣ подлежитъ доказательству все прогрессирующій и прогрессирующій характеръ только что упомянутыхъ антиномій, завершающихся, наконецъ, рѣшительнымъ столкновеніемъ между

двумя великими враждующими классами, буржуазіей и пролетаріатомъ, и «экспропріаціей экспропріаторовъ?» Насколько подтверждается изслѣдованіемъ объективныхъ условій эта теорія крушенія?

Мы знаемъ, что Бернштейнъ особенно подчеркиваетъ недоказанность этой фатальной концентраціи капиталовъ, этого фатальнаго обнищанія пролетаріата и этого фатальнаго обостренія классовой борьбы. Но, подобно столь многому другому въ книгѣ Бернштейна, эта аргументація является лишь воспроизведеніемъ и отголоскомъ критики, которая была направлена раньше противъ теоріи Маркса со стороны соціалистовъ нѣкоторыхъ другихъ школъ, а особенно со стороны буржуазныхъ экономистовъ, при чемъ эти то послѣдніе занимались, конечно, больше всего не искреннимъ отыскиваніемъ истины, а тенденціознымъ пригибаніемъ фактовъ къ желанной оптимистической теоріи мѣщанства. Съ этой точки зрѣнія было бы поучительно сравнить статистическіе выводы Бернштейна съ результатами, къ которымъ приходилъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, оперируя надъ цифрами же, хотя бы Поль Леруа-Болье въ своемъ «Опытѣ о распредѣленіи богатствъ».

Нельзя однако отрицать, что и между соціалистами вообще, а въ послѣднее время и въ лагерѣ самихъ марксистовъ въ частности, все болѣе и болѣе слышатся голоса скептиковъ, задающихся вопросомъ, да точно ли такъ быстро и неуклонно совершается упомянутый процессъ «крушенія». Несомнѣнно, что всякій, кому приходилось заниматься статистикой внѣпартійныхъ цѣлей и работать при этомъ надъ сырымъ матеріаломъ, а не надъ готовыми уже, зачастую тенденціозными обобщеніями, припомнитъ изъ своей практики, какъ часто ему встрѣчались цифры, а порою и цѣлые ряды цифръ, не укладывающіеся въ классическую формулу концентраціи капиталовъ и обѣднѣнія пролетаріата.

Начать съ того, что, благодаря установившимся пріемамъ обработки хозяйственной статистики, картина экономическаго развитія повсюду искажена, искривлена въ сторону индустріализаціи общаго производства страны (выра-

женнаго въ стоимости продуктовъ). Дѣйствительно, чѣмъ развитѣе страна, тѣмъ болѣе замѣчается въ ней промысловъ, представляющихъ послѣдовательную обработку сырыхъ матеріаловъ на разныхъ стадіяхъ подготовленія къ потребленію. Ясно, что первоначальная стоимость этихъ матеріаловъ повторяется столько разъ въ итогахъ различныхъ промышленныхъ отраслей, сколько разъ продуктъ перемѣщается путемъ денежнаго обмѣна изъ рукъ въ руки производителей, занятыхъ послѣдовательными операціями. И то же самое придется сказать о всякомъ полу-фабрикатѣ, который, являясь окончательнымъ продуктомъ для низшей стадіи, играетъ роль простого сырого матеріала для слѣдующей. Можно представить себѣ, какая преувеличенная сумма стоимостей образуется на бумагѣ при сложеніи различныхъ отраслей индустріи, обрабатывающихъ въ теченіе года первоначальный продуктъ, сравнительно съ стоимостью сырого матеріала, доставляемаго земледѣліемъ и добывающею промышленностью. Поистинѣ, исторія пряди льна или клочка шерсти на различныхъ ступеняхъ ихъ обработки представила бы съ этой точки зрѣнія самый поучительный процессъ призрачнаго чисто статистическаго возрастанія стоимостей, произведенныхъ всею совокупностью слѣдующихъ одна за другой операцій. И если бы статистики, путемъ болѣе тщательнаго расчлененія стоимости продукта на ея составныя части въ каждой стадіи переработки, могли суммировать лишь дѣйствительныя стоимости, прибавленныя къ первоначальной стоимости на различныхъ фазисахъ процесса, то общій итогъ промышленности данной страны пересталъ бы насъ поражать, сравнительно хотя бы съ земледѣльческимъ производствомъ, своими размѣрами, какъ это случается при изученіи современныхъ цифровыхъ документовъ. А между тѣмъ одинъ изъ пунктовъ теоріи «крушенія» именно и основанъ на подчеркиваніи индустріализаціи обществъ, втянутыхъ въ капиталистическій процессъ производства.

Но кромѣ этой, такъ сказать, формальной статистической ошибки теорія крушенія страдаетъ фактическимъ преувеличеніемъ концентраціи въ области производства. Уже одно

то обстоятельство, что Бернштейнъ въ своей книгѣ и Каутскій въ отвѣтѣ на нее могли различно истолковывать однѣ и тѣ же цифровыя данныя, касающіяся, напр., германской промышленной статистики за 1882 г. и 1895 г. или распредѣленія доходовъ въ Саксоніи между 1879 и 1894 г., показываетъ, что эти документы рисуютъ процессъ капиталистической эволюціи далеко не въ томъ чистомъ и классически заостренномъ видѣ, къ какому пріучила насъ формула марксизма. Замѣтьте, здѣсь мы нисколько не становимся на ту почву принципіальнаго скептицизма по отношенію къ статистикѣ, стоя на которой Карлейль любилъ, напр., говорить: «статистика, это — кэбъ, куда захочешь, туда и свезетъ». Нѣтъ, мы указываемъ лишь, что изученіе данныхъ въ такомъ крупномъ и сравнительно простомъ, казалось бы, вопросѣ, какъ капиталистическая концентрація, не дастъ намъ рѣшительныхъ выводовъ, которые бы позволили безъ оговорокъ принять теорію фатальнаго перехода современнаго строя въ строй соціалистическій на основаніи лишь экономической эволюціи. Стараясь избѣжать преувеличеній буржуазной и мелко буржуазной школы, которая упорно и, конечно, далеко не безкорыстно отрицаетъ всякую общую тенденцію къ концентраціи капиталовъ, мы можемъ однако сказать, что есть страны и есть цѣлыя отрасли производствъ, въ которыхъ упомянутый процессъ концентраціи если и происходитъ, то происходитъ съ такою медленностью, что теорія крушенія на основаніи экономической необходимости должна отодвинуть свое практическое торжество въ неопредѣленное будущее. Къ числу такихъ странъ относится, напр., Франція, гдѣ индустріализація совершается сравнительно вяло; гдѣ есть цѣлыя отрасли промышленности, отличающіяся мелкимъ характеромъ производства; гдѣ, въ особенности въ земледѣліи, движеніе собственности принимаетъ неопредѣленныя, противорѣчивыя, часто даже идущія противъ теоріи концентраціи формы.

Земледѣліе, впрочемъ, во многихъ странахъ является камнемъ преткновенія для чистой формулы марксизма. И кто читалъ хотя бы книгу Каутскаго объ «Аграрномъ во-

просѣ», не можетъ не припомнить тѣхъ логическихъ усилій, которыя авторъ употребляетъ для того, чтобы втиснуть земледѣльческое производство въ рамку теоріи концентраціи, равно какъ тѣхъ оговорокъ, тѣхъ ограниченій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы стереть специфическую разницу между современнымъ земледѣліемъ и современной индустріей, апеллируя къ будущему развитію сельскаго хозяйства, еще не совершившемуся и какъ разъ подлежащему серьезной провѣркѣ. Не приходится ли самому Каутскому въ этой книгѣ констатировать тотъ фактъ, что изученіе земледѣльческой статистики различныхъ странъ указываетъ, въ противоположность англійской статистикѣ, не на исчезновеніе, но скорѣе на легкое увеличеніе мелкаго земледѣлія? Правда, авторъ старается представить эти цифры лишь болѣе или менѣе призрачными и истолковать ихъ въ смыслѣ благопріятномъ для обычной марксистской доктрины. Но даже и не для всѣхъ марксистовъ его доводы кажутся убѣдительными. Уже его попытка вмѣсто классическаго поглощенія мелкой собственности крупною подставить чуть ли не необходимость сосуществованія бокъ-о-бокъ двухъ родовъ собственности, — а именно крупнаго хозяйства, основаннаго на наемномъ трудѣ, и мелкой мужицкой собственности, поставляющей рабочія силы сосѣднему большому имѣнію, — уже эта попытка достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, съ какою энергіею факты въ этой области сопротивляются ихъ пригибанію къ требованіямъ теоріи. Торжество формулы крушенія въ земледѣльческой сферѣ Каутскій ожидаетъ главнымъ образомъ отъ того, что индустрія наложитъ свой отпечатокъ и на теперешнее сельское хозяйство; что различныя отрасли послѣдняго все болѣе и болѣе превратятся въ простыя вѣтви промышленности; и что промышленный пролетаріатъ высвободитъ и крестьянина изъ-подъ ига капиталистической собственности. Здѣсь категорія желательнаго, очевидно, диктуетъ свои велѣнія объективному ходу вещей.

Интересно, что въ одной изъ статей въ Neue Zeit, появившихся уже послѣ выхода въ свѣтъ «Аграрнаго вопроса», Каутскій въ особенности подчеркиваетъ въ смыслѣ,

благопріятномъ его теоріи, приложеніе къ земледѣлію электричества, т. е. какъ разъ такого элемента, отъ котораго многіе техники ждутъ наоборотъ децентрализаціи производства даже въ области индустріи.

Столь же недружно поддерживается теперь въ лагерѣ марксистовъ уже не техническая, а чисто соціальная сторона теоріи «крушенія», а именно все большее и большее обнищаніе трудящихся массъ и все болѣе и болѣе усиливающаяся рознь между классомъ буржуазіи и классомъ пролетаріата. Замѣтьте, что если нѣкоторыя страницы «Манифеста коммунистической партіи» и «Капитала» могли быть истолкованы и, дѣйствительно, истолковывались большею частью марксистовъ, какъ формула прогрессивнаго обѣдненія и растущаго злополучія пролетаріевъ, то врядъ ли у самихъ творцовъ теоріи—за исключеніемъ, можетъ быть, самаго ранняго періода ихъ дѣятельности (см. ниже),—эволюція общества рисовалась въ такомъ рѣзко обостренномъ видѣ. Уже довольно давно слышались и въ самомъ лагерѣ марксистовъ голоса, протестовавшіе противъ такого черезчуръ прямолинейнаго комментированія процесса развитія путемъ все нарастающихъ противорѣчій. А чѣмъ дальше шло время и чѣмъ болѣе усиливалась организація рабочихъ въ борьбѣ за улучшеніе ихъ быта, тѣмъ болѣе между практическими учениками Маркса назрѣвала потребность внести въ классическую формулу если не поправку, то поясненіе, считающееся именно съ положительными сторонами соціальной борьбы.

По этому поводу читателю не мѣшаетъ припомнить одно любопытное обстоятельство. Въ промежуткѣ между Галльскимъ (1890 г.) и Эрфуртскимъ (1891 г.) конгрессами нѣмецкой соціаль-демократіи, какъ извѣстно, вырабатывалась новая программа партіи. Лѣтомъ 1891 г. Энгельсъ, получивъ разосланный членомъ проектъ этой программы, пишетъ на него цѣлый рядъ замѣчаній, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе критика фразы: «все увеличивается численность и *нищета* пролетаріата». Энгельсъ по этому поводу говоритъ: «высказанное въ такой абсолютной формѣ это положеніе невѣрно. Возможно, что

организація рабочихъ и ея постоянно растущее сопротивленіе противопоставятъ извѣстную преграду возрастанію *нищеты*. Но что навѣрное растетъ, такъ это *необезпеченность положенія*». Намъ нечего останавливаться на томъ обстоятельствѣ, что эрфуртская программа въ своей окончательной редакціи, рядомъ съ принятой во вниманіе поправкой Энгельса о возрастаніи необезпеченности положенія, говоритъ о «постоянно растущемъ увеличеніи нищеты, гнета, порабощенія, приниженія, эксплуатаціи». Это показываетъ только, что упрощеніе и заостреніе формулы является обычнымъ дѣломъ въ развитіи любого ученія. Во всякомъ случаѣ, одинъ изъ творцовъ теоріи «крушенія» счелъ нужнымъ сдѣлать ограничивающее поясненіе къ наиболѣе распространенному способу пониманія доктрины. И это ограниченіе становится все болѣе и болѣе популярнымъ въ самомъ лагерѣ марксистовъ, вызывая порою не безынтересныя столкновенія между различными истолкованіями формулы не только у разныхъ сторонниковъ ученія, но даже въ головѣ одного и того же лица. Попытка новой редакціи программы на недавнемъ конгрессѣ австрійской соціаль-демократіи и возникшіе на этой почвѣ споры между Адлеромъ и Каутскимъ, наконецъ, окончательный текстъ программы представляютъ собой любопытное отраженіе того кризиса, который постигъ ученіе марксизма на почвѣ теоріи прогрессивнаго нищанія пролетаріата и вообще «крушенія».

Въ самое послѣднее время правовѣрный Мерингъ высказалъ одно очень характерное соображеніе по поводу споровъ о теоріи обнищанія: онъ полагаетъ, что эти споры безполезны; и въ его мотивировкѣ слышится затаенное опасеніе, какъ бы изъ-за этихъ преній да не вышло новыхъ расколовъ,—какъ видите, настроеніе вѣрующаго католика. Знаменательно, что Мерингъ не считаетъ однако возможнымъ скрыть отъ читателей фактъ постепеннаго смягченія теоріи нищеты во взглядахъ Маркса и Энгельса, которые въ самомъ началѣ довольно отрицательно относились къ дѣйствію даже «десятичасоваго билля», не говоря уже о кооперації, и затѣмъ обломали черезчуръ

острые углы у своей теоріи подъ вліяніемъ изученія развивающейся дѣйствительности.

Здѣсь не мѣшаетъ кстати упомянуть объ одномъ сопредѣльномъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ только что затронутымъ кругомъ идей. Точно ли цифровыя данныя ясно свидѣтельствуютъ объ углубленіи пропасти между имущими и неимущими, о фатальномъ пожраніи промежуточныхъ экономическихъ группъ самимъ процессомъ капиталистической «діалектики»? Придется сказать, что и по этому пункту изученіе статистическаго матеріала даетъ нерѣдко неопредѣленные, во всякомъ случаѣ недостаточно яркіе выводы въ смыслѣ, благопріятномъ теоріи «экспропріаціи экспропріаторовъ», а потому позволяетъ и здѣсь значительное расхожденіе въ оцѣнкѣ данныхъ. Бернштейнъ не безъ нѣкотораго удовольствія указываетъ, напр., на тотъ фактъ, что статистика доходовъ въ различныхъ странахъ, не исключая и Англіи, отмѣчаетъ скорѣе возрастаніе, чѣмъ уменьшеніе среднихъ и низшихъ категорій имущества. Фактъ этотъ былъ, впрочемъ, уже довольно давно указанъ буржуазными экономистами, которые пытались при помощи его опровергнуть общую тенденцію самоуничтоженія капитализма, столь рельефно подчеркиваемую Марксомъ. Уже въ половинѣ 80-хъ годовъ завязался, напр., на страницахъ покойной «Truth» интересный споръ между соціалистомъ Бельфортомъ Баксомъ и извѣстнымъ радикаломъ Брэдло на тему, показываютъ ли данныя послѣднихъ англійскихъ переписей (Census) дальнѣйшую концентрацію капиталовъ, констатированную Марксомъ въ «Капиталѣ» для болѣе раннихъ переписей. И этотъ диспутъ окончился скорѣе въ пользу Брэдло, который, путемъ сравненія переписей 1871 г. и 1881 г., пришелъ къ заключенію не о концентраціи, а объ измельчаніи капиталовъ, тогда какъ его противникъ возражалъ не столько противъ цифръ, выдвинутыхъ Брэдло, сколько противъ излишней вѣры въ статистику вообще, а современную въ особенности. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы анархисты уже не разъ стремились доказать, что именно англійскіе статистическіе матеріалы свидѣтельствуютъ объ

увеличеніи среднихъ и мелкихъ доходовъ; и что такимъ образомъ цифры говорятъ о возрастаніи числа паразитовъ, висящихъ на шеѣ рабочаго народа, а отнюдь не о взаимномъ поѣданіи капиталистовъ и все большемъ и большемъ суженіи кадра эксплуататоровъ. Теперь мы знаемъ, что и многіе марксисты начинаютъ считаться съ этими цифрами, но лишь даютъ имъ иное освѣщеніе и пытаются устранить противорѣчіе между этими числовыми выводами и «имманентными законами» капиталистическаго развитія. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь болѣе детальное изслѣдованіе показало, что дѣло происходитъ далеко не такъ просто, какъ то выходило по формулѣ, а потому и здѣсь «кризисъ» оказалъ свое дѣйствіе на первоначальное ученіе.

Наконецъ, нельзя не остановиться и на судьбѣ такого крупнаго элемента въ марксизмѣ, какова теорія стоимости и происхожденія прибавочной стоимости. Было бы излишне доказывать, какую громадную роль въ ученіи Маркса играетъ его опредѣленіе и обоснованіе стоимости. И друзья и враги его согласны, что въ стоимости заключается краеугольный камень доктрины, связанной съ именемъ автора «Капитала». Съ другой стороны, именно въ этомъ пунктѣ ученіе Маркса вызывало наибольшее одобреніе въ лагерѣ соціалистовъ, многіе изъ которыхъ, даже и не раздѣляя соціологическихъ и историко-философскихъ взглядовъ творца экономическаго матеріализма, безусловно принимали теорію стоимости и прибавочной стоимости, развитую въ «Критикѣ Политической Экономіи» и «Капиталѣ». И что же? Въ настоящее время поколеблено значеніе и этого основного пункта. Не будемъ уже говорить о людяхъ въ родѣ Бернштейна, которые слѣдуютъ давно высказаннымъ критикамъ буржуазныхъ ученыхъ и пытаются «дополнить» и «исправить» теорію Маркса соединеніемъ какъ разъ тѣхъ элементовъ, которые авторъ строго различалъ и на раздѣленіи которыхъ онъ даже и построилъ все свое ученіе, а именно, потребительной стоимости и мѣновой стоимости. Мы знаемъ, что въ лагерѣ этихъ критиковъ теперь какъ разъ дѣлаются попытки сочетать марксовскій принципъ стоимости, какъ воплощеніе труда, съ оцѣноч-

нымъ принципомъ стоимости по ученію такъ называемой австрійской школы, основывающей стоимость на «предѣльной полезности».

Но и между сторонниками экономическаго ученія Маркса, которые продолжаютъ видѣть въ теоріи этого мыслителя если не абсолютную, то относительную истину, наиболѣе удовлетворяющую современному изслѣдованію, — и между сторонниками марксовскаго ученія, говоримъ мы, все чаще и чаще слышатся голоса, указывающіе на пробѣлы доктрины и на недоразумѣнія, заключающіяся въ ней. Такъ уже довольно давно было указано на тотъ слабый пунктъ теоріи, что изъ нея не видно, какъ извѣстное количество сложнаго, квалифицированнаго труда приравнивается извѣстному—большему—количеству труда простого, служащаго основнымъ мѣриломъ стоимости. Ссылка на то, что этотъ процессъ приравниванія совершается «за спиною производителей», именно и побуждалъ изслѣдователей повертываться уже не спиной, а лицомъ къ происходящему явленію и тщетно разглядывать, что же, наконецъ, дѣлается въ этой закулисной части экономики.

Точно такъ же неясно рисовалось отношеніе фактическихъ цѣнъ къ стоимости. А въ связи съ этимъ недостаточно выяснялся и самый характеръ стоимости, т. е. была ли она, напр., болѣе или менѣе фактическимъ мѣриломъ мѣновыхъ отношеній между товарами; или абстрактнымъ закономъ этихъ отношеній, чистотѣ проявленій котораго препятствуютъ лишь различныя условія дѣйствительности; или, наконецъ, ни болѣе, ни менѣе какъ логическимъ объясненіемъ того «фетишизма товаровъ», того экономическаго символизма, въ который производители капиталистическаго общества облекаютъ свои личныя связи при помощи товаровъ, осуществляя такимъ образомъ безсмертную фразу нашего Гоголя насчетъ «вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній».

Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ вопросовъ ставился еще одинъ важный вопросъ, а именно, когда же, при какихъ условіяхъ мѣста и времени, проявлялся лучше всего принципъ стоимости, какъ мѣрила фактическихъ мѣновыхъ

отношеній. И очень знаменательно, что въ то время, какъ съ перваго взгляда всякій сторонникъ марксовскаго ученія указалъ бы въ этомъ смыслѣ на капиталистическое общество, никто иной, какъ Энгельсъ уже въ 90-хъ годахъ считаетъ нужнымъ пояснить, что законъ стоимости Маркса «господствовалъ» въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, предшествовавшихъ капитализму, и что именно въ періодѣ капитализма и умножились пертурбаціонныя вліянія, препятствующія чистотѣ проявленія закона. Очевидно, и здѣсь осталось много неразъясненныхъ сомнѣній...

Возьмемъ, наконецъ, теорію прибавочной стоимости. Если что казалось наиболѣе несокрушимымъ въ стальныхъ дедукціяхъ Маркса, то именно выведеніе этой стоимости изъ неоплаченнаго труда. Увы, и этотъ пунктъ подвергся критикѣ. Я не буду, конечно, говорить о такихъ поправкахъ и дополненіяхъ къ теоріи, которыя характеризуютъ, между прочимъ, русскихъ «критическихъ» марксистовъ, въ родѣ Струве и Туганъ-Барановскаго, признающихъ чисто буржуазныя положенія, что не только трудъ, но и капиталъ, но и машины производятъ стоимость, а потому могутъ являться источникомъ и прибавочной стоимости. Но опять таки даже у тѣхъ учениковъ Маркса, которые хотятъ остаться вѣрными духу ученія, упомянутый пунктъ возбуждаетъ сомнѣнія, если не прямо, то косвенно, если не самъ по себѣ, то по причинѣ характера дальнѣйшихъ выводовъ изъ него. Рѣчь идетъ объ объясненіи прибыли и ея размѣровъ на основаніи теоріи прибавочной стоимости. Надо ли говорить, что учившіеся политической экономіи по первому тому «Капитала» не могутъ отдѣлаться отъ чувства нѣкотораго разочарованія, когда они приступаютъ къ изученію второго, а особенно третьяго тома? Я уже оставляю въ сторонѣ самую форму изложенія, на которой сказалась мозаичная работа склеиванія воедино различныхъ неодновременно написанныхъ, неодинаково разработанныхъ манускриптовъ Маркса. Но васъ озадачиваетъ при безпристрастномъ изученіи послѣдняго тома объясненіе различныхъ видовъ дохода капиталистическаго общества не столько въ духѣ дальнѣйшаго развитія геніальныхъ формулъ пер-

ваго тома, сколько путемъ возвращенія къ обычнымъ представленіямъ буржуазной политической экономіи, хотя, можетъ быть, и съ предпочтеніемъ классическаго типа ея, завѣщаннаго Адамомъ Смитомъ и Рикардо. Вѣдь вотъ, дѣйствительно, что поражало своей силой, красотой и гармоніей, словно античное тѣло, въ первомъ томѣ, такъ это теорія прибавочной стоимости. Но, увы! къ этому прекрасному тѣлу въ третьемъ томѣ придѣланъ — простите мнѣ это выраженіе старика Горація — придѣланъ «рыбій хвостъ». —

Desinit in piscem mulier formosa superne.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ томѣ Марксъ обѣщалъ намъ, между прочимъ, разъяснить своими послѣдующими изысканіями и путемъ введенія «еще многихъ промежуточныхъ членовъ», какимъ образомъ примиряются кажущіяся фактическія противорѣчія равенства прибылей равныхъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ производства съ неравенствомъ нормы прибавочной стоимости равныхъ же, но не равно расчлененныхъ на постоянную и перемѣнную часть капиталовъ. Марксъ обѣщалъ показать, какъ на этомъ пунктѣ «споткнулась» рикардіанская школа, и презрительно отзывается о «вульгарной экономіи», которая и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, съ торжествомъ хватается за «видимости», чтобы отрицать самый «законъ явленія». Раскройте теперь въ третьемъ томѣ главы, относящіяся къ «превращенію нормы прибавочной стоимости въ норму прибыли» и къ «превращенію прибыли въ среднюю прибыль»: вы убѣдитесь, что при самомъ внимательномъ чтеніи вы не извлечете изъ нихъ указанія на обѣщанные «промежуточные члены» для рѣшенія задачи въ духѣ перваго тома. Ибо, когда на этотъ разъ Марксъ анализируетъ норму прибыли для различныхъ капиталовъ, то онъ лишь повторяетъ уже сказанное о нормѣ прибавочной стоимости. А когда переходитъ къ объясненію средней нормы прибыли, то просто-напросто апеллируетъ къ дѣйствію конкуренціи, которая, при помощи рыночныхъ цѣнъ, производитъ своеобразный дѣлежъ прибавочной стоимости и прибыли между капиталистами, разсма-

триваемыми на этотъ случай, какъ члены одного акціонернаго предпріятія; при чемъ, въ концѣ концовъ, каждая часть этого общаго капитала получитъ средній одинаковый процентъ прибыли, а не ту долю, какая ей должна была бы приходиться по техническимъ и пр. условіямъ частнаго предпріятія. Здѣсь, очевидно, мы возвращаемся къ дѣйствію иначе только формулированныхъ законовъ спроса и предложенія, тѣхъ самыхъ законовъ, за признаніе которыхъ «точкою опоры» при опредѣленіи рыночныхъ цѣнъ Марксъ иронически называетъ—въ первомъ томѣ—«господъ отъ вульгарной экономіи» ни болѣе, ни менѣе, какъ «Архимедами навыворотъ». Опять мы стоимъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ, на почвѣ котораго возникаютъ сомнѣнія и колебанія даже у наиболѣе вѣрныхъ учениковъ Маркса.

Что касается до «кризиса» въ философской части марксизма, то здѣсь онъ проявляется рѣзче и разнообразнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ отдѣлѣ доктрины; и было бы излишне останавливаться на частныхъ иллюстраціяхъ: онѣ всѣмъ извѣстны и рѣжутъ, что называется, глаза. Куда дѣвался цѣльный характеръ того строгаго философскаго матеріализма, который проникалъ всю систему марксизма, считался обязательнымъ для каждаго ученика и за лицемѣрное затушевываніе котораго Энгельсъ такъ бичевалъ, напримѣръ, англійскихъ буржуазныхъ «агностиковъ!» Люди, которые продолжаютъ считать себя марксистами, сплошь и рядомъ отказываются именно отъ матеріализма въ философской области и ищутъ различныхъ источниковъ «умозрительнаго» вдохновенія: кто въ кантіанствѣ, кто въ нео-кантіанствѣ, кто въ эмпиріо-критицизмѣ, кто въ неопредѣленномъ эволюціонизмѣ, даже въ фихтеанствѣ, спинозизмѣ и чуть не нео-платонизмѣ. Съ другой стороны, исчезла и та вѣра въ могущество гегельянской діалектики, которую Марксъ и Энгельсъ сохранили, въ числѣ прочихъ умственныхъ привычекъ молодости, отъ періода увлеченія «философіей разумности» и довольно своеобразно вдвинули, несмотря на ея идеалистическое происхожденіе, въ свою строго матеріалистическую систему. Теперь приверженцевъ «діалектики» можно счесть по паль-

цамъ; да и эти послѣдніе изъ могиканъ гегельянщины держатся за нее не столько въ силу сознанія ея необходимости для марксизма, сколько въ силу очень понятнаго чувства глубокой идейной симпатіи къ своимъ учителямъ, включая сюда и умственные «тики» послѣднихъ.

Но и на практикѣ мы повсюду наталкиваемся на проявленія «кризиса», съ теоретическою напряженностью котораго мы только что познакомились. Мы и переходимъ къ картинѣ этого кризиса въ области современной жизни, прося читателя обратить вниманіе на то, что этотъ жизненный кризисъ касается, собственно говоря, всего соціализма, а спеціальнымъ образомъ марксизма лишь постольку, поскольку и на практикѣ, какъ въ теоріи, марксистское направленіе преобладаетъ въ настоящее время въ соціализмѣ. Да, въ pendant къ практическому росту соціализма, изображенному нами въ началѣ этой статьи параллельно съ его теоретическимъ ростомъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу и съ практическимъ кризисомъ соціализма, дополняющимъ тотъ, который былъ изображенъ нами на предыдущихъ страницахъ въ области наиболѣе распространенной соціалистической теоріи.

Нечего закрывать глаза: уже не первый годъ наиболѣе искренніе и послѣдовательные соціалисты жалуются на то, что по мѣрѣ того какъ соціализмъ растетъ и распространяется въ обществѣ, онъ теряетъ въ ясности и первоначальной цѣльности. Намъ не разъ приходилось встрѣчаться съ жалобами этого рода; и чаще всего жалующіеся прибѣгали къ физической аналогіи свѣта, который тѣмъ слабѣе освѣщаетъ предметы, чѣмъ болѣе удаляется отъ своего источника и распространяется на большую поверхность. Но, если бы мы желали остаться на почвѣ естественнонаучныхъ сравненій, то мы дополнили бы эту чисто физическую картину химической и сказали бы, что въ отдаленныхъ, периферическихъ пространствахъ свѣтовые лучи

производятъ и своеобразное химическое дѣйствіе, вліяя на измѣнившуюся среду. Оставляя въ сторонѣ эту игру въ аналогіи, мы можемъ во всякомъ случаѣ сказать, что многія изъ основныхъ идей соціализма, захватывая все болѣе и болѣе широкіе слои, претерпѣли сильное измѣненіе и выразились — какъ нерѣдко говорятъ теперь — въ своеобразномъ «оппортунизмѣ» новѣйшей формаціи, представляющемъ такую же карикатуру руководящихъ соціалистическихъ принциповъ, какую представляетъ буржуазный оппортунизмъ по отношенію къ демократическимъ началамъ истинно либеральнаго міровоззрѣнія.

Къ числу такихъ искаженій соціализма принадлежитъ, напр., увлеченіе узко-парламентарной и исключительно легальной дѣятельностью. Нечего говорить, что революціонный соціализмъ хотя бы Маркса, противопоставившій принципъ неумолимой борьбы классовъ прежнему слащавому началу мирнаго развитія, нисколько не исключаетъ возможности при извѣстныхъ условіяхъ для даннаго общества рѣшить соціальный вопросъ безъ кровопролитія. И мы увѣрены, что искренній и мыслящій соціалистъ не можетъ увлекаться романтизмомъ крови и эффектныхъ столкновеній на улицѣ ради революціоннаго «искусства для искусства». Но, съ другой стороны, онъ и не долженъ отмахиваться отъ самой отчаянной борьбы, борьбы всяческими средствами, если только этимъ путемъ можно разрубить Гордіевъ узелъ современной нищеты и угнетенія. Вопросъ весь въ томъ, насколько окружающія условія позволяютъ или нѣтъ безкровный способъ великой борьбы между трудомъ и капиталомъ, справедливостью и безправіемъ, свободою и деспотизмомъ.

Нѣтъ ничего поэтому опаснѣе и нецѣлесообразнѣе для соціалиста, какъ принципіально закрывать себѣ путь революціонной борьбы, принципіально же втискивая тактику соціалистической партіи въ рамки исключительно мирнаго перехода капиталистическаго строя въ соціалистическій. И въ этомъ отношеніи мы могли бы указать на печальные примѣры такого легальнаго доктринерства, примѣры, исходившіе какъ разъ отъ тѣхъ авторитетныхъ предста-

вителей соціализма, которые, наконецъ, спохватились и, сами испугавшись результатовъ долго практиковавшейся ими тактики, возстали противъ послѣдовательнаго, доведеннаго до крайностей приложенія ихъ же прежнихъ взглядовъ къ современной политической борьбѣ. Но намъ не хочется плодить полемики за прегрѣшенія заднимъ числомъ, и притомъ за прегрѣшенія, въ которыхъ люди раскаиваются, нападая тѣмъ съ большимъ жаромъ на представителей «новаго метода», что они не могутъ же не видѣть въ нихъ законныхъ дѣтей своего прежняго метода.

Ограничусь поэтому лишь однимъ фактомъ почти безличнаго характера. Всѣмъ извѣстно, какое впечатлѣніе произвело на соціаль-демократію всего міра извѣстное предисловіе Энгельса къ статьямъ Маркса о движеніи 1848 года, предисловіе, въ которомъ путь насилія, революціоннаго столкновенія на баррикадахъ и т. п. былъ объявленъ путемъ, отошедшимъ въ прошлое. Надо было видѣть, съ какимъ единодушіемъ люди, казалось бы, отъ природы настоящаго революціоннаго темперамента отнеслись къ этому взгляду, какъ къ одному изъ существенныхъ членовъ марксистскаго символа вѣры; и съ какимъ чисто религіознымъ фанатизмомъ они требовали отъ всѣхъ соціалистовъ исповѣданія этого пункта ихъ Credo. И, что же? Нужно было возгорѣться полемикѣ между Бернштейномъ и Каутскимъ, чтобы мы могли узнать, и узнать только теперь, очень любопытное обстоятельство, а именно, что упомянутое предисловіе Энгельса оканчивалось, собственно говоря, далеко не такими мирными разсужденіями, какія появились въ печатной редакціи; но что нѣмецкіе друзья Энгельса, теоретики и практики нѣмецкой соціаль-демократіи, упросили автора измѣнить это окончаніе — въ виду предстоявшихъ, видите ли, въ то время выборовъ въ германскій парламентъ. Подумайте, отъ какого спеціальнаго и въ сущности не особенно значительнаго въ общей исторіи обстоятельства зависѣли появленіе новаго члена символа вѣры и его усиленное исповѣданіе въ теоріи и на практикѣ всей международной соціаль-демократіей. Да послужитъ же это намъ предостереженіемъ противъ воз-

веденія въ теорію соціализма удобствъ минутной, повидимому, цѣлесообразной тактики.

Въ настоящее время соціалистическій оппортунизмъ свирѣпствуетъ особенно во Франціи, и свирѣпствуетъ, къ сожалѣнію, благодаря поддержкѣ и усиленной пропагандѣ со стороны не только банальныхъ политикановъ партіи, но и крупныхъ людей, въ родѣ Жореса, которые еще такъ недавно, въ дѣлѣ Дрейфуса, обнаружили великолѣпный революціонный энтузіазмъ и благородную натуру. Но тѣмъ хуже для нихъ: соціализмъ болѣе, чѣмъ какое-либо другое міровоззрѣніе, долженъ быть нелицепріятнымъ и не обращать вниманія на калибръ политическихъ дѣятелей и даже ихъ бывшія заслуги, если ихъ настоящая дѣятельность идетъ вразрѣзъ съ интересами великаго дѣла. И даже скорѣе наоборотъ: если noblesse oblige, то и le passé oblige, — славное прошлое является не извиненіемъ, а лишнимъ обязательствомъ продолжать и дальше служить вѣрою и правдою революціонному соціализму.

Какъ бы то ни было, соціалистическій оппортунизмъ выражается теперь во Франціи въ формѣ участія соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ, какъ мы уже упомянули въ первой части статьи, разсматривая тамъ этотъ фактъ какъ симптомъ роста соціализма. И опять таки остережемся и здѣсь возводить требованія тактики въ принципъ и дѣлать изъ нихъ члены символа вѣры, подлежащіе, можетъ быть, завтра же пересмотру, отмѣнѣ и исключенію изъ ряда вѣчныхъ истинъ. Международный соціалистическій конгрессъ (1900 г. въ Парижѣ), становясь на надлежащую точку зрѣнія, призналъ, что вообще говоря, условія развитія и борьбы соціализма препятствуютъ всякому союзу рабочихъ съ привилегированными классами въ современномъ классовомъ обществѣ; но что могутъ быть такія «исключительныя обстоятельства», которыя дѣлаютъ «при случаѣ необходимыми коалиціи». Вступленіе же соціалиста въ буржуазное министерство было охарактеризовано, какъ «опасный опытъ», вынуждаемый порою «политическимъ положеніемъ» и требующій непремѣнно санкціи «значительнаго большинства соціалистической партіи», хотя въ

то же время и въ этомъ актѣ конгрессъ совершенно справедливо призналъ «вопросъ тактики, а не принципа».

Дальнѣйшія событія показали, какъ быстро оппортунистическое теченіе въ соціализмѣ изъ «опаснаго опыта» сдѣлало прямо вредный опытъ, съ каждымъ днемъ наносящій большій и большій ущербъ великой идеѣ соціализма. Ибо, если въ началѣ многіе искренніе революціонеры считали положеніе дѣлъ во Франціи крайне исключительнымъ и поддерживали, скрѣпя сердце, такую чудовищную комбинацію, какъ участіе въ одномъ министерствѣ соціалиста Милльрана и свирѣпаго палача Коммуны, генерала Галлифэ; если симпатіи къ Жоресу выражались, въ теченіе долгаго ряда мѣсяцевъ, въ отсутствіи систематической вражды къ покровительствуемому имъ кабинету, то, наконецъ, желаніе «министерскихъ» соціалистовъ поддерживать правительство во что бы то ни стало, несмотря ни на какіе антисоціалистическіе и даже порою антидемократическіе акты, привело совершенно логически нашихъ оппортунистовъ четвертаго сословія къ жесточайшему заушенію соціализма. Международному соціализму и въ особенности намъ, русскимъ революціонерамъ, довелось, дѣйствительно, быть ошеломленными и негодующими свидѣтелями историческаго кризиса соціализма, когда «гражданинъ-министръ» представлялся, согласно строжайшимъ формамъ этикета, русскому самодержцу.

Но соціалистическій оппортунизмъ принужденъ былъ итти, словно плѣнникъ въ цѣпяхъ, за колесницею тріумфатора-кабинета и по всѣмъ вопросамъ буржуазной политики: нашлись между соціалистами такіе вѣрные слуги министерства, что вотировали новый «китайскій» заемъ, предложенный кабинетомъ, между прочимъ, для вознагражденія грабителей, одѣтыхъ въ миссіонерское платье. И бѣдный, еще недавно столь великій въ дни борьбы за справедливость, Жоресъ ухитрялся даже доказывать, что растущій соціализмъ обязанъ участвовать не только въ буржуазномъ министерствѣ, но и въ буржуазной колоніальной политикѣ. Такимъ образомъ, интернаціонализмъ, гордо драпируясь въ плащъ умудреннаго опытомъ и практикою власти оппор-

тунизма, совершенно логически приходитъ къ порабощенію «низшихъ народностей». Это ли еще не паденіе!...

Но всѣми этими частными, хотя и очень крупными нарушеніями соціалистическаго идеала не исчерпывается значеніе «кризиса». Всѣ такія нарушенія сливаются въ одномъ общемъ, сливаются въ томъ «грѣхѣ противъ духа свята», который уже христіанство во дни своей исторической свѣжести считало самымъ тяжелымъ и единственно непростительнымъ нравственнымъ преступленіемъ: это — соблазнъ «малыхъ сихъ»; это глубокое деморализующее вліяніе на душу широкихъ слоевъ рабочаго класса, который еще недавно видѣлъ въ соціализмѣ высочайшій идеалъ своей жизни, свою религію, свою философію, свою поэзію и у котораго эта возвышенная вѣра поколеблена оппортунистическою тактикою. Дѣйствительно, если нѣкоторыя положительныя реформы могли быть проведены лишь цѣною одомашненія соціализма, лишь при помощи рѣшительныхъ отступленій отъ основныхъ требованій его, лишь подъ вѣчнымъ страхомъ, да какъ бы это не зайти черезчуръ далеко, да какъ бы это не испугать буржуазіи, не вызвать коалиціи всѣхъ реакціонныхъ силъ, не раздражить, наконецъ, «друга французской республики», то, право, лучше бы было этимъ реформамъ остаться въ папкахъ министерскаго кабинета!.. И тѣмъ хуже для самоновѣйшихъ соціальныхъ реформаторовъ, если, какъ разъ пользуясь необезпеченнымъ положеніемъ современнаго пролетаріата, они стараются вынудить его продать свою «душу живу», цѣльность и высоту своего міровоззрѣнія за ту или иную непосредственную практическую выгоду! Все, что темнитъ общій идеалъ и расхолаживаетъ революціонный энтузіазмъ трудящихся массъ, наноситъ тяжелый ударъ соціализму и отодвигаетъ самую возможность его осуществленія въ жизни. Ибо высшая практичность соціализма заключается въ его идеализмѣ, въ элементѣ вѣры, убѣжденія и нравственнаго самоотверженія

Но намъ не хотѣлось бы оставить нашихъ друзей, читателей, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ картины переживаемаго соціализмомъ кризиса. Не хотѣлось бы, да даже было бы и невозможно, не погрѣшая противъ истины: взвѣшивая два великія одновременныя явленія — и ростъ соціализма, и кризисъ его,—мы, дѣйствительно, приходимъ къ заключенію, что разрѣшеніе, какъ сказалъ бы гегельянецъ, этихъ двухъ «антиномій» лежитъ опять таки въ самомъ соціализмѣ, а именно въ дальнѣйшемъ развитіи его. По нашему глубокому убѣжденію, теоретически это развитіе будетъ выражаться въ томъ, что та крупная доля истины, которая заключается въ марксизмѣ, этомъ наиболѣе популярномъ видѣ современнаго соціализма, будетъ сохранена, но дополнена критикой «экономическаго матеріализма», не критикой однако исходящей изъ буржуазнаго или тянущаго въ сторону буржуазіи бернштейніанства, а критикой, вырастающей изъ законныхъ идеалистическихъ стремленій революціоннаго соціализма. Практически же это развитіе совершится подъ давленіемъ измѣняющейся психологіи самихъ трудящихся массъ, самого пролетаріата, которому придется быть главнѣйшимъ органомъ и носителемъ грядущаго преобразованія. Мы сейчасъ увидимъ, какъ тѣсно связаны между собой эти двѣ стороны соціалистической эволюціи.

Что, дѣйствительно, принесъ съ собою новаго марксизмъ въ развитіи соціалистической мысли? Въ пылу полемики критикамъ марксизма не разъ приходилось подсмѣиваться надъ эпитетомъ «научнаго соціализма» и видѣть въ этомъ лишь претензію этой теоріи на непогрѣшимость: объявить себя «научнымъ» можетъ любое направленіе, самоувѣренно относящееся къ другимъ направленіямъ и присваивающее себѣ привилегію на обладаніе истиной. Но дѣло не въ томъ: въ сущности, элементъ «научности», желаніе построить систему на «научной» почвѣ составляетъ особенность самыхъ крупныхъ утопическихъ ученій первой половины XIX-го вѣка. Кто, дѣйствительно, внимательно изучалъ системы хотя бы Сенъ-Симона и Фурье, тотъ, конечно, не можетъ забыть, съ какой настойчивостью эти

великіе мыслители подчеркиваютъ строгую, по ихъ мнѣнію, научность ихъ построеній, совершенно серьезно отожествляя свою творческую дѣятельность въ общественной наукѣ съ дѣятельностью Коперника или Ньютона въ наукѣ мірозданія. И для историка соціальныхъ теорій нѣтъ, можетъ быть, привлекательнѣе задачи, какъ показать вліяніе этихъ тенденцій всеобщей законосообразности, на выработку первыхъ элементовъ «научнаго» соціализма Маркса, уже пріученнаго, впрочемъ, къ мысли о правомѣрности универсальнаго развитія изученіемъ философіи Гегеля. То положеніе, которое лежитъ въ основаніи марксовскихъ трудовъ, а именно мысль о такой же объективной непреложной эволюціи человѣческихъ обществъ, какая замѣчается въ развитіи вообще организмовъ и въ послѣдовательной смѣнѣ естественныхъ явленій, есть въ сущности идея, проходящая черезъ историческіе экскурсы Сенъ-Симона или критико-фантастическія построенія Фурье. Но эта идея — и въ этомъ-то и суть—у великихъ утопистовъ искала еще своей окончательной формулировки, искала еще той почвы, на которой она, дѣйствительно, могла бы показаться великимъ соціальнымъ «открытіемъ», теоретическимъ выраженіемъ міровой объективной истины. Марксъ же поставилъ ее на эту твердую почву, и поставилъ тѣмъ, что разорвалъ ея связь съ колеблющимся элементомъ сознанія, фантазіи, капризнаго построенія отдѣльнаго, хотя бы самаго геніальнаго мыслителя—утописта и, наоборотъ, привелъ ее въ тѣсную зависимость отъ громаднаго, гораздо болѣе устойчиваго начала инстинктовъ, навыковъ, чувствъ и стремленій цѣлой общественной формаціи.

Въ этомъ, конечно, смыслѣ надо истолковывать знаменитую фразу объ «отношеніяхъ (производства), независимыхъ отъ воли людей», и не менѣе интересное указаніе на обращеніе человѣчества лишь къ тѣмъ задачамъ, которыя «могутъ быть рѣшены» въ данный моментъ; а не въ томъ смыслѣ, будто человѣческія отношенія воплощаются въ какія-то самостоятельныя силы, дѣйствующія помимо людей. Въ полемикѣ это порою допускалось учениками Маркса, и въ полемикѣ же служило мишенью для

нападеній противниковъ. Но теперь, когда цѣлая полоса соціалистической мысли въ формѣ рѣзкаго и исключительнаго марксизма отходитъ въ исторію, надо же надлежащимъ образомъ понять здоровое зерно марксизма и постараться не выбросить его за дверь, а вдвинуть въ надлежащія условія роста и развитія. И всего лучше, можетъ быть, представить великій переломъ, совершенный Марксомъ въ общественной наукѣ, какъ протестъ противъ интеллектуализма въ исторіи, противъ излишняго преувеличенія роли ума, сознанія отдѣльныхъ людей; и какъ признаніе могущества—я, право, не подберу подходящаго слова—ну, скажемъ, коллективнаго сенсуализма, разумѣя подъ этимъ совокупность безсознательныхъ и полусознательныхъ, но всемогущихъ привычекъ, чувствъ, потребностей, аффектовъ громаднаго большинства членовъ даннаго общества.

Дѣйствительно, когда начинаешь соображать, какимъ сравнительно небольшимъ островкомъ, освѣщеннымъ солнцемъ сознанія, рисуется, по даннымъ современной психологіи, та часть нашего «я», въ которой мы можемъ дать себѣ ясный отчетъ; и какимъ шумнымъ, великимъ и мало прозрачнымъ по своей глубинѣ океаномъ обступаетъ эту ничтожную землю нашъ душевный безсознательный или наполовину сознательный міръ, — то не удивишься, что въ коллективной психологіи, гдѣ дѣло идетъ о столкновеніи безчисленнаго ряда нашихъ, столь сложныхъ, столь смутныхъ «я», роль сознанія должна быть въ большинствѣ случаевъ очень не велика по сравненію съ безсознательными и полусознательными стремленіями....? Должна, конечно, въ смыслѣ нѣмецкаго müssen, а не sollen, должна не потому, что такъ было бы желательнѣе для насъ, а потому, что до сихъ поръ такъ происходитъ. Но, вѣдь, мы знаемъ, что и «научный соціализмъ», говоря о неизбѣжности современной общественной эволюціи, о грядущемъ скачкѣ человѣчества изъ міра необходимости въ міръ свободы, нисколько не предрѣшалъ вопроса о будущемъ, неизмѣримо большемъ значеніи сознанія, а лишь указывалъ на сравнительную слабость его въ настоящемъ.

Ясно поэтому, что если для утописта рѣшеніе соціальнаго вопроса заключалось въ построеніи умственнаго плана, въ сообщеніи его другимъ зачастую лишь привилегированнымъ личностямъ,—напр., королямъ-реформаторамъ, капиталистамъ-филантропамъ, ученымъ-поваторамъ, проповѣдникамъ-энтузіастамъ,—двигающимъ въ свою очередь массы, то для Маркса рѣшеніе соціальнаго вопроса заключалось въ констатированіи чувствъ, потребностей и стремленій цѣлаго общества и въ опредѣленіи пути, по которому идетъ это общество для достиженія этихъ великихъ, отчасти сознаваемыхъ, по большей части безсознательныхъ—въ данный моментъ—цѣлей. Да, въ этомъ смыслѣ, конечно, «не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе»: самыя замѣчательныя отдѣльныя мысли не производятъ существеннаго дѣйствія на ходъ развитія общества, если только въ этихъ мысляхъ не ищутъ своего яснаго сознательнаго выраженія смутныя, полубезсознательныя, но могучія потребности развивающагося коллективнаго организма. Да, въ этомъ смыслѣ, конечно, и люди находятъ «независящія отъ ихъ воли отношенія»: великая коллективная психологія не управляется желаніями отдѣльныхъ личностей, если только эти личности не выражаютъ въ терминахъ сознанія уже назрѣвающихъ преобразованій въ мірѣ чувствъ, потребностей и навыковъ человѣчества. Конечно, люди вообще могутъ измѣнить данныя отношенія, если захотятъ; но надо, чтобы они захотѣли. А на эту коллективную волю желанія отдѣльныхъ лицъ могутъ дѣйствовать лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ.

При этихъ разсужденіяхъ не надо, конечно, забывать, что первая кристаллизація упомянутыхъ коллективныхъ чувствъ и стремленій совершается, согласно Марксу, исключительно—и въ этомъ есть преувеличеніе (см. ниже)—вокругъ матеріальнаго ядра орудій, инструментовъ, машинъ и вообще техники и пріемовъ производства. Но въ интенсивно живущемъ капиталистическомъ обществѣ именно это ядро растетъ и развивается быстрѣе облегающихъ его слоевъ коллективной психологіи, разрываетъ эту оболочку, производитъ нравственныя пертурбаціи и выражается тогда

въ великихъ соціальныхъ задачахъ, всплывающихъ, наконецъ, на поверхность народнаго сознанія.

Чѣмъ больше вдумываешься въ ученіе Маркса, тѣмъ болѣе приходится, дѣйствительно, признать въ немъ одинъ изъ самыхъ яркихъ и первоначальныхъ типовъ историческаго народничества. Въ то время, какъ у великихъ утопистовъ спасеніе исходило отъ своего рода боговъ, горячо любящихъ человѣчество, но стоящихъ выше его немощей и предразсудковъ, исходило отъ учителей, указывающихъ людямъ пути упомянутаго коллективнаго спасенія, у Маркса формула этого спасенія была перенесена извнѣ внутрь человѣчества. И новое евангеліе труда громко провозглашало предъ лицомъ всего міра: «освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самого этого класса». Съ этой точки зрѣнія и наше, напр., народничество, которое приглашало интеллигенцію трудиться лишь надъ развитіемъ болѣе или менѣе смутныхъ, но живучихъ идеаловъ въ народѣ, есть переломившееся въ иной средѣ и при другихъ условіяхъ ученіе Маркса о томъ, что человѣчество принимается за задачи, только исторически возможныя и назрѣвающія въ самыхъ нѣдрахъ его.

Но замѣчательный переломъ въ реформаторской мысли, произведенный Марксомъ, былъ продѣланъ имъ, какъ всегда бываетъ въ исторіи человѣчества, съ преувеличеніями и неизбѣжными односторонностями, которыя объяснились тѣмъ, что новому ученію надо было противопоставить себя, по закону идейной реакціи, предшествовавшимъ преувеличеніямъ и односторонностямъ. Начать съ того, что самый ригоризмъ, сама жесткая, считающаяся, повидимому, не съ моралью, а лишь съ необходимостью формула «научнаго соціализма» выражала собой историческій протестъ противъ той расплывающейся, сентиментальной, манилловской фразеологіи, которая проникала весь тогдашній соціализмъ и возмущала уже, напр., грубаго, временами нелѣпаго, но временами же почти геніальнаго самоучку Прудона. Когда читаешь документы этой эпохи, пестрѣющіе на каждомъ шагу «любовью къ ближнимъ», «сладостью самопожертвованія», «новымъ высшимъ брат-

ствомъ»; когда даже въ прокламаціи (отъ 26-го іюня) Кавеньяка, только-что залившаго парижское возстаніе потоками рабочей крови, наталкиваешься на оправданіе, на прославленіе бойни—интересами «человѣчества» (sic!), тогда начинаешь понимать страстное желаніе творческаго ума расквитаться не только съ философіей, но и съ фразой предшествующаго періода. Разъ филантропическая риторика завершилась такимъ ужаснымъ крахомъ, то надо же было показать народу, трудящимся классамъ, что его соціальное освобожденіе не зависитъ отъ чувствительной души и краснорѣчивыхъ декламацій привилегированныхъ классовъ; но что въ немъ самомъ, рабочемъ людѣ, лежало это спасеніе, и именно благодаря грубо реальнымъ, осязательнымъ, неумолимымъ условіямъ, которыя создало буржуазное общество и которыя своимъ всемогущимъ желѣзнымъ давленіемъ, столь противорѣчащимъ призрачной, колеблющейся фантасмагоріи тогдашней фразы, изъ рабочихъ же сдѣлаетъ «могильщиковъ» капиталистическаго строя. Эта историческая потребность была пророчески провидѣна Марксомъ въ его «Манифестѣ», написанномъ за три мѣсяца до февральской революціи (въ зародышѣ эта мысль находилась уже въ «Die Heilige Familie» въ 1845 году) и съ теченіемъ времени развилась въ тотъ объективизмъ, въ то строгое, жесткое, почти умышленно свирѣпое апеллированіе къ необходимости, къ фатальной эволюціи, которое теперь порою называютъ «аморальностью» Маркса. Было бы излишне доказывать, что нравственное безразличіе было совершенно не въ революціонной и мятущейся природѣ Маркса; и тамъ, гдѣ онъ считалъ долгомъ высказывать свое негодованіе, онъ дѣлалъ это въ формѣ, далеко оставлявшей за собою по силѣ самую громкую риторику. Вопль негодованія прорывается, словно ревъ раздраженнаго льва, даже на нѣкоторыхъ самыхъ повидимому объективныхъ страницахъ «Капитала». По свою задачу Марксъ понялъ именно какъ обоснованіе неизбѣжности соціализма на естественномъ ходѣ вещей, помимо того, какъ отнесется къ этому набившая въ то время оскомину «мораль» буржуазнаго общества и даже привилегирован-

пыхъ реформаторовъ. Въ этомъ смыслѣ того пессимистическаго оптимизма, который изъ самыхъ несчастій и страданій пролетарія выводитъ окончательное торжество рабочаго класса и всего человѣчества.

Условія тогдашней современности опредѣляли и другія преувеличенія Маркса. И, говоря такъ, мы разумѣемъ не классовую борьбу, не элементъ соціальной вражды, проникающій историческую философію Маркса: этотъ взглядъ на развитіе человѣчества путемъ внутренней борьбы уже стучался въ дверь общественнаго сознанія на рубежѣ XVIII-го и XIX-го вѣковъ, и въ первой половинѣ прошлаго столѣтія находилъ талантливыхъ истолкователей не только между великими утопистами и ихъ учениками, но и между буржуазными мыслителями. Нѣтъ, мы говоримъ о томъ подчеркиваніи экономическаго элемента, который изъ упомянутой нами выше совершенно вѣрной мысли о могуществѣ коллективной психологіи сдѣлалъ однобокую, но столь популярную теорію «экономическаго матеріализма». Но опять таки и это преувеличеніе было естественнымъ дѣтищемъ тогдашняго положенія вещей, именно состоянія, въ которомъ находился рабочій классъ въ связи съ направленіемъ соціально-политической мысли. Дѣйствительно, взглядъ на преобладающую роль отношеній собственности уже довольно давно носился въ воздухѣ, уже былъ отчетливо сформулированъ Сенъ-Симономъ и даже прежде его извѣстнымъ дѣятелемъ первой революціи Барнавомъ, который,—какъ очень кстати упоминаетъ Жоресъ въ своемъ интересномъ трудѣ объ «Учредительномъ Собраніи»—положилъ въ основаніе своего «Введенія во французскую революцію» (напечатаннаго лишь въ 1845 г.) теорію распредѣленія политической власти въ зависимости отъ распредѣленія экономической мощи въ обществѣ.

Мы сказали сейчасъ о положеніи рабочаго класса. Оно было, дѣйствительно, ужасно. То былъ медовый мѣсяцъ развитія крупной промышленности и, соотвѣтственно съ этимъ, усиленія эксплуатаціи труда капиталомъ, жесточайшаго калѣченья пролетаріата. Рабочаго загнали на фабрику для безконечно длиннаго дня (по крайней мѣрѣ, на

континентѣ Европы), лишивъ его всѣхъ радостей жизни; отъ него оторвали жену и тоже послали на жертву фабричному Молоху и вынужденной проституціи; у него отняли дѣтей, отняли съ самаго нѣжнаго возраста и заставили раздѣлять участь отца и матери. Пресловутые «моралисты» буржуазіи разрушили такимъ образомъ семейный очагъ пролетарія, задавили его непосильнымъ трудомъ, изуродовали его физически и нравственно, благодаря крайне низкой заработной платѣ и, стало быть, невозможности удовлетворять не только что высшія, но самыя существенныя потребности организма, парализовали способность развитія, словомъ, крайне сузили его кругозоръ и обрекли его на самую монотонную и нищенскую жизнь, прерываемую лишь неотразимой жаждой забытья хоть на минуту въ винѣ и грубыхъ удовольствіяхъ. Но когда у человѣка отняты нормальныя условія даже чисто органической жизни, все его міровоззрѣніе пропитывается совершенно понятнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію этихъ низшихъ, этихъ существенныхъ потребностей, лишь на фундаментѣ которыхъ развивается высокая индивидуальная жизнь. Какъ въ Сахарѣ голодающаго и жаждущаго мучатъ видѣнія далекихъ пальмъ, струящейся воды, словомъ, картинъ, вырастающихъ, такъ сказать, изъ желудка, такъ въ соціальной Сахарѣ капиталистическаго общества пролетаріевъ обступаютъ мучительно напряженныя стремленія къ матеріальному довольству; и надо быть бездушнымъ филистеромъ, чтобы не понять всего трагизма этого положенія. Та карикатура, которою покойный Лѣсковъ думалъ заклеймить русскаго интеллигента—эмигранта, говоря, что «личнымъ идеаломъ Шерамура было жрать, а общественнымъ — давать жрать другимъ», эта карикатура была дѣйствительнымъ изображеніемъ міровоззрѣнія рабочаго класса въ наиболѣе тяжелый періодъ его развитія. И великому прогрессу, общественному процессу развитія, угодно было именно эту карикатуру превратить въ грандіозную картину классоваго самоотверженія, выдвинувъ величайшихъ героевъ, полагающихъ душу свою за други своя, именно изъ среды трудящихся массъ, которыя желали

«жрать» и «давать жрать» всему человѣчеству. Когда человѣкъ рискуетъ не только желудкомъ, но самою жизнію своею, чтобы разрѣшить «вопросъ желудка» цѣлаго класса, онъ поднимается на высоту, которой никогда не достигнуть буржуазному моралисту, чувствительно распространяющемуся послѣ вкуснаго обѣда о необходимости любить, просвѣщать и насыщать — духовною пищею, разумѣется — «меньшую братію».

Экономическій матеріализмъ и былъ философіею соціальной Сахары въ исторіи пролетаріата и, какъ таковой, произвелъ потрясающее дѣйствіе. Та самая «реабилитація плоти», которою занимались въ возвышенныхъ сферахъ чувственности сенъ-симонисты, и то самое господство «сильныхъ и утонченныхъ страстей», на которомъ строилъ свою фаланстерію Фурье, все это было сгущено, сконцентрировано и выражено въ формулѣ «экономическаго матеріализма», который, такимъ образомъ, дѣлалъ изъ технически-соціальныхъ пріемовъ удовлетворенія потребностей движущую пружину исторіи.

Но само дальнѣйшее развитіе общества и въ особенности рабочаго класса вноситъ существенныя поправки въ геніальную для своего времени марксовскую теорію. Наше дѣло, дѣло соціалистовъ-революціонеровъ, приняться за формулировку этихъ поправокъ, съ величайшимъ почтеніемъ относясь къ основной идеѣ учителя, но не дожидаясь того времени, когда буржуазное или карикатурно-соціалистическое направленіе завладѣетъ монополіею «критики» и постарается задавить революціонное ядро марксизма подъ грудами комментаторскаго хлама. Такъ, объяснивъ крупное значеніе того элемента въ марксовской доктринѣ, который заключается въ указаніи на выдающуюся роль безсознательной и полубезсознательной психологіи человѣчества сравнительно съ ролью сознанія отдѣльныхъ личностей, мы должны присоединить къ этому объясняющія и ограничивающія формулу положенія, тѣмъ болѣе, что имъ въ сущности и не должна бы противорѣчить широко понятая теорія Маркса.

Дѣйствительно, если Марксъ говоритъ о громадной силѣ

коллективныхъ формъ бытія, «отношеній производства» въ данный моментъ по сравненію съ работою сознанія, то не говоритъ ли онъ также о значеніи выработки классоваго самосознанія, перехода смутно сознаваемыхъ, но всемогущихъ потребностей и стремленій въ цѣлесообразныя, планомѣрныя дѣйствія борющагося класса? Но именно здѣсь, на этой почвѣ перехода сознательная работа отдѣльныхъ личностей находитъ наиболѣе выгодную для себя точку приложенія силы и, стало быть, возможность производить наибольшій результатъ. Работа классового самосознанія не можетъ сразу съ одинаковой напряженностью проявляться въ головѣ всѣхъ участниковъ совершающагося переворота: отсюда выдающаяся роль тѣхъ личностей, которыя раньше схватываютъ черты готовящейся катастрофы. Пусть представитъ себѣ читатель по возможности ясно, какую громадную роль въ пробужденіи классового самосознанія пролетаріата сыграли, напр., самъ Марксъ и его книга о «Капиталѣ», и онъ, навѣрное, скажетъ, что развитіе матеріальныхъ отношеній и вообще коллективныхъ формъ «бытія», несомнѣнно, опредѣляли въ общемъ направленіе этой эволюціи, но быстрота ея, цѣлесообразность, легкость преодолѣнія препятствій въ очень значительной степени зависѣли отъ творческой работы мысли Маркса. Энгельсъ, говоря о чисто теоретической выработкѣ доктрины, замѣчаетъ, что она, въ силу назрѣвавшихъ условій, была бы создана и безъ Маркса; но что на это потребовалось бы гораздо больше отдѣльныхъ среднихъ головъ и немало лишнихъ годовъ. Согласитесь однако, что это сбереженіе силъ и времени представляетъ крупнѣйшій элементъ прогресса для общества. Продолжите то же разсужденіе въ практической области, вдумайтесь, напр., въ дѣятельность Лассаля или, оставляя въ сторонѣ великихъ людей, въ дѣятельность сознательнаго революціоннаго меньшинства и вообще организованной партіи, и вы, навѣрное, оцѣните великую важность того процесса перевода безсознательныхъ стремленій въ сознательную область, который придаетъ такое историческое значеніе умѣло составленной программѣ.

Здѣсь попутно возникаетъ еще другой вопросъ. Конечно, человѣчество принимается, говоря въ общемъ, за задачи только разрѣшимыя; но сознательному-то меньшинству приходится упреждать эти стремленія къ разрѣшенію. Ибо, разъ дѣло идетъ о рѣшеніи назрѣвающаго вопроса, въ современномъ обществѣ это рѣшеніе осуществляется не иначе, какъ путемъ дружнаго возстанія новыхъ элементовъ и интересовъ, растущихъ въ нѣдрахъ стараго общества. Въ какой моментъ слѣдуетъ приступить къ революціонному упрощенію даннаго управленія, это вопросъ, на который нельзя отвѣтить, не приступая фактически къ рѣшенію задачи, не пробуя вступать въ организованную борьбу съ отживающимъ строемъ. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что Марксъ въ практической жизни никогда отрицательно не относился къ революціонной, самой повидимому рискованной борьбѣ, если ему только казалось, что она идетъ въ направленіи необходимаго историческаго развитія. Въ этомъ отношеніи страница его отношеній къ славной памяти Исполнительному Комитету Народной Воли глубоко поучительна.

Мы сказали, что развитіе рабочаго класса само должно внести поправки въ теорію «экономическаго матеріализма». Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ раздались впервые слова марксовскаго ученія, въ положеніи пролетаріевъ произошелъ немалый поворотъ къ болѣе человѣческому существованію. Несомнѣнно, что фабричное законодательство, боевыя операціи рабочаго класса противъ буржуазіи на почвѣ стачекъ, ростъ кооперативныхъ и прочихъ организацій среди пролетаріевъ облегчили непосредственную тяжесть нищеты и чрезмѣрной работы, висѣвшихъ на плечахъ трудящейся массы. Рабочій въ общемъ менѣе подавленъ трудомъ, получаетъ большую заработную плату, имѣетъ болѣе досуга для развитія и удовлетворенія высшихъ потребностей. Съ другой стороны, это улучшеніе въ положеніи идетъ рука объ руку съ возрастающею непрочностью этого улучшившагося положенія, съ возрастающимъ чувствомъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, мучительнаго опасенія за завтрашнюю судьбу своихъ близ-

ихъ и самого себя. Развитіе капитализма втянуло теперь въ международный процессъ производства такую массу прежде самостоятельныхъ ремесленниковъ и вообще собственниковъ, связало ихъ такими узами всемогущей зависимости, что столь ярко отмѣченный уже Лассалемъ фактъ всемірной экономической отвѣтственности человѣка за чужіе грѣхи сталъ повседневнымъ явленіемъ. И вотъ въ то самое время, какъ рабочій классъ непосредственно улучшилъ свой бытъ, поднялъ уровень своихъ требованій, все шире и шире смотритъ на вещи, его сознаніе все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе проникается мыслію о непрочности положенія и окрашивается все большею и большею тенденціею зажить, наконецъ, вполнѣ по-человѣчески и положить конецъ этому мучительному опасенію за завтрашній день.

Съ другой стороны, практика политической, муниципальной, кооперативной дѣятельности выдвинула въ средѣ пролетаріевъ такую массу талантовъ, теоретическихъ и жизненныхъ умовъ, выдающихся администраторовъ, организаторовъ, ораторовъ и т. п., что сама буржуазія крайне поражена этимъ наплывомъ свѣжихъ, превосходящихъ ее силою и энергіею умовъ. Все это показываетъ, что рабочій перестаетъ быть обитателемъ соціальной Сахары и что въ его идеалѣ человѣческой жизни чисто матеріальныя потребности начинаютъ терять свою исключительную напряженность, тогда какъ высшія стремленія бьютъ великолѣпнымъ ключомъ, гордо поднимающимся надъ уровнемъ современныхъ низменныхъ идеаловъ буржуазіи. Увеличеніе роли сознанія въ жизни пролетаріата, усложненіе его психологіи, ростъ идеальныхъ моментовъ въ потребностяхъ, — эти явленія должны, несомнѣнно, отразиться и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя пролетарій внесетъ въ свое соціальное евангеліе, признавъ въ отношеніяхъ производства очень важную, но далеко не единственную движущую пружину человѣческой исторіи. Мы, конечно, не беремся рѣшать въ подробностяхъ, въ какую новую соціологію выльется общественное міровоззрѣніе рабочаго класса, этого наиболѣе энергичнаго носителя со-

временной цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ образованіе среди пролетаріата такой интеллигенціи, которая не только не уступаетъ буржуазной, но даже превосходитъ ее непосредственною энергіею и свѣжестью ума,—пусть читатель вызоветъ мысленно образы такихъ рабочихъ, какъ Бебель, Ауэръ, Делори, Джонъ Бернсъ,—образованіе такой рабочей интеллигенціи даетъ намъ право надѣяться, что безпрерывному умственному прогрессу рабочаго класса будетъ соотвѣтствовать и новая философія исторіи.

Наконецъ, это же развитіе трудящихся массъ положитъ конецъ и тому нравственному кризису среди интеллигенціи, который къ передовому отряду искреннихъ сторонниковъ соціализма изъ привилегированныхъ классовъ примѣшалъ толпу карьеристовъ, смотрящихъ, по остроумному выраженію Энгельса, на соціализмъ, какъ на своего рода военную Сенъ-Сирскую школу, позволяющую этимъ буржуазнымъ «друзьямъ народа» разыгрывать роль офицеровъ отъ соціализма, не нося ранца и не участвуя въ тягостяхъ борьбы рядовыхъ солдатъ.

Противопоставленіе между рабочимъ и интеллигенціею исчезаетъ для того, чтобы уже на порогѣ грядущаго коммунистическаго строя предъ нами выросъ во весь ростъ цѣльный и прекрасный человѣкъ, въ которомъ матеріальный и идеальный элементы будутъ соединены въ высшей гармоніи. Къ этому заключенію насъ приводитъ обзоръ мірового роста и кризиса соціализма.

1902 г.

Типографія А. И. МАМОНТОВА, въ Москвѣ